

ГЛАВА II

ЗАКАВКАЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Когда образовалась Закавказская республика, новый Военный Министр Г. Т. Георгадзе просил меня быть его помощником вместо ген. Одишелидзе, ухода которого из кабинета потребовали армяне, входившие в состав Правительства. На это предложение я ответил отказом и указал, что я не считаю себя достаточно в силах справиться с этой должностью и что, наверно, есть личности, более меня знающие и более меня авторитетные. Георгадзе сказал, что он перебрал всех и что выбор его остановился на мне, и что для Родины я должен сделать все, что могу, и т. д. Тут же он сказал, что мне будет предоставлена полная власть сделать в Военном Ведомстве все, как нахожу лучшим, что самостоятельно могу организовать армию, что я могу делать какие угодно назначения и т. д.

Я стоял на своем отказе. После долгих и настойчивых просьб я, чтобы закончить разговор, обратился к нему с просьбой перебрать еще раз всех наших начальников внимательно, посоветоваться с кем-нибудь, и что вообще назначение меня, сравнительно с другими молодыми, на самый высокий военный пост должно быть взвешено как следует, дабы не повредить делу. На этом расстались.

Через несколько дней меня вновь вызвали к нему, и он повторил свое приглашение, говоря, что после советов со многими он окончательно остановился на мне и просит не отказываться, тем более что на пост помощника В. Министра Закавказской республики могут быть выдвинуты другими национальностями кандидаты, нежелательные для нас, грузин. Скрепил сердце я согласился. Началась моя работа.

Таким образом я занял пост помощника Военного Министра Закавказской республики. Главнокомандующим Кавказским фронтом продолжал оставаться ген. Лебединский. Обыкновенно между

8-ю и 9-ю часами утра я уже находился в своем кабинете и выходил из него часто лишь около 7-8-ми часов вечера. Наскоро поев, я отправлялся на заседания Правительства, которые происходили во дворце и начинались в 8 час. вечера. Эти заседания оканчивались обыкновенно в 12-1 час ночи. Помню, как во время этих заседаний неоднократно ставились пулеметы на окнах с целью обеспечения от неожиданного нападения. Ежедневно ожидали выступления большевиков. Я вступил в свою должность около 1-го мая, а 4-го или 5-го мая председатель Правительства А. И. Чхенкели уехал как председатель делегации Закавказского Правительства для переговоров с турками в Батуми. Председателем Правительства остался Н. В. Рамишвили.

На одном из заседаний вдруг встал следующий вопрос, не помню кем возбужденный. К этому времени Кавказская Армия русского состава уже вся прошла на Северный Кавказ. Закавказская армия формировалась в составе корпусов Грузинского, Русского, Армянского, Мусульманского, дивизии Греческой и полка немецкого. В то же время была объявлена самостоятельная Закавказская Республика.

Армия, та, которая была на Кавказском фронте, уже не существовала и были лишь формируемые национальные части, выше перечисленные. Получалось следующее: были войска, формируемые самостоятельной Закавказской Республикой, и был Главнокомандующий бывшей Кавказской армией со штабом, причем последние держали себя как посетители власти Великой Русской державы. Из этого положения надо было выйти так или иначе. И вот некоторые члены Правительства и именно представители Азербайджана потребовали немедленной смены Главнокомандующего. На заседании решено было сменить его, а также сменить высший состав штаба. С этого заседания меня попросили удалиться, а затем через несколько минут вновь пригласили. Мне объявили, что Правительство назначает меня Главнокомандующим Закавказской армией с оставлением в должности помощника Военного Министра, что таковое избрание последовало единогласно. Я ничего не мог ответить и не знал, благодарить надо за это или отказаться.

Между тем в штабе Главнокомандующего шли совещания старших начальников, имевшие целью выяснить, как выйти из создавшегося положения. С одной стороны, Россия раскалывалась на составные части (даже Украина отделилась); оставшаяся Россия превратилась в большевистскую; с другой стороны, Корнилов и Алексеев собрали добровольческую армию, но с последней не было никакой связи. Результатом этих совещаний было то, что решено было ликвидироваться и Главнокомандующий должен был издать соответствующий приказ; но было оговорено, что этот приказ прежде издания должен быть одобрен Закавказским Правительством. Это последнее обстоятельство я узнал лишь впоследствии. На этих совещаниях, ка-

злось, я должен был быть приглашаем, как помощник В. Министра Правительства Закавказской Республики; чем руководствовался Главнокомандующий, не делая этого, не знаю. Вообще же я поддерживал связь со Штабом, во-первых, как с высшим управлением войск, а во-вторых, в силу того, что высшие чины штаба были мои однокашники и товарищи по службе. На другой день после своего назначения я зашел в штаб, дабы переговорить, как произвести всю передачу, вызываемую моим назначением. Там я встретил только полк. Шатилова, был уже 4-й час дня и все со службы разошлись. Он мне сказал, что Главнокомандующий издает приказ о ликвидации Кавказского фронта; я спросил его дать прочитать. Едва пробежав, я усмотрел много пунктов, которые по моему мнению могли быть изданы лишь по одобрении Правительства. Я сказал Шатилову об этом и просил его не торопиться с изданием этого приказа. На другой день этот приказ появился в газетах, а вечером на заседании Правительства некоторыми членами Правительства были сделаны запросы; известно ли было В. Министру об издании такого приказа и если было известно, какие меры были приняты для его приостановки. В. Министр должен был сказать, что ему ничего не было известно. Тут же на заседании Правительства несколькими членами было предложено немедленно отменить этот приказ, а Главнокомандующего и его начальника штаба немедленно арестовать. Я предложил не прибегать к такой мере, а сначала переговорить с Главнокомандующим. Военный Министр Гр. Георгадзе написал по этому поводу письмо ген. Лебединскому, прося его приехать на заседание Правительства. На заседание прибыл полк. Шатилов по полномочию Главнокомандующего, сказавшегося больным. Сказавшегося, ибо на другой день я его видел вполне здоровым. Полковник Шатилов на заданный вопрос ответил, что Главнокомандующий должен был отдать такой приказ, что это было его право и что отменить или изменить этот приказ не считается им возможным. Это еще более подлило масла в огонь, и после ухода Шатилова было предложено всех их немедленно арестовать, как не признающих власти Закавказского Правительства. Я едва уговорил поручить все это дело В. Министру. На другой день В. Министр целый день пытался войти в связь с ген. Лебединским для личных переговоров, но его оказывалось дома. Послано было ему письмо В. Министром, в котором он приглашался для личных переговоров. Вместо этого прибыло от него письменное объяснение, почти дословное, сказанное накануне полк. Шатиловым на заседании Правительства. Ввиду такого положения, занятого Главнокомандующим; Правительство приказало аннулировать приказ ген. Лебединского. Его не арестовали опять по моему настоянию. Я вступил в командование войсками.

Общая обстановка была такова: армянские войска, отступая, занимали Александрополь, против них стояли турецкие войска. Стороны были в состоянии перемирия благодаря мирным переговорам делегатов Закавказского Правительства с турками. Грузинские войска занимали на Батумском направлении Натанеби, против них были турки и здесь также были взаимно вывешены белые флаги. В Боржоме был также фронт. В Ахалцихском районе турки сформировали дивизию из местных мусульман и в состав ее вошли части, формируемые азербайджанцами для Мусульманского корпуса. Эти части окружили Ахалцихе, где был грузинский гарнизон под начальством ген. Макашвили; из Боржоми наши части не могли прийти на помощь, так как организовавшиеся местные мусульмане заняли позиции к северу от Ацкури и наши войска, за недостаточностью, не в силах были сломить их сопротивление, здесь командовал ген. Арджеванидзе. Одновременно шли переговоры с турками, и эти переговоры, когда мы собрались с силами, не позволили развязать руки военному командованию для атаки мусульман на Ахалцихском фронте. Мы были в перемирии с турками, но не знали, воюем мы с Ахалцихскими мусульманами, как с частью Турции, или же они самостоятельная единица.

Турки вдруг нарушили перемирие и атаковали Александрополь. Меня местный начальник вызвал к прямому проводу и спросил принимать бой или отходить без боя, ввиду того, что перемирие нарушено без предупреждения. Я приказал принять бой. Результат был неблагоприятный для армянских войск, они были принуждены отступить сначала на Чарджуйские высоты, а затем и далее на север. Отступление совершенно расстроило армянские войска. Командир Армянского корпуса ген. Назарбегов телеграфировал и просил немедленно заключить мир. Рисуя обстановку, он указал, что войск уже нет, что между штабом корпуса и турками находится только штаб дивизии.

Вскоре после этих событий, а именно через несколько дней Закавказская Республика распалась на три самостоятельные республики: Грузия, Армения и Азербайджан. Между тем в Правительстве решено было атаковать на Ахалцихском фронте; мне развязали руки. Я выехал в Боржоме. Пробыл я там всего сутки, осмотрел часть позиций, но ночью получил телеграмму из Тбилиси, приглашающую немедленно вернуться. Я вернулся. Оказалось, что атаку отменили.

ГЛАВА III

ГРУЗИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

26-го мая 1918 года была объявлена самостоятельная Грузинская республика. Армения и Азербайджан последовали этому примеру. Произошло это вследствие настойчивого требования Вехиб-паши; был передан нашей делегации его ультиматум председателю Закавказской делегации А. И. Чхенкели с требованием признания Брест-Литовского договора. Последний прислал на мое имя телеграмму для передачи Правительству и о необходимости завтра же объявить независимость Грузии, для которой Брест-Литовский договор уже не был бы обязателен. Объявили. При обсуждении этого вопроса в своей фракции Жордания и Церетели голосовали против. Переговоры с турками продолжались; Грузии пришлось согласиться на Брест-Литовский договор. Наши вожди одновременно вели переговоры с германцами, так как турки продолжали держаться агрессивно в отношении Закавказья.

Не могу не отметить одного характерного факта. Еще во время существования Закавказской Республики Баку попало в руки местных большевиков, причем известно было, что главным ядром большевистской вооруженной силы был армянский полк. В Баку и в других районах произошла резня татар с армянами. Между тем Мусульманский корпус не был сформирован; грузинские войска были едва в зачаточном состоянии.

Это было весной 1918-го года. Грузины не в силах были двинуться на Баку для освобождения территории Закавказского Правительства от большевиков, тем более что надлежало быть на стороже против турок и вести боевые действия на Ахалцихском фронте и на Гягринском направлении против Добровольческой армии. Армяне также не давали войска ввиду военных действий с турками. Такова была обстановка. Азербайджанские представители в Правительстве настоятельно требовали посылки войск на Баку для освобождения

последнего из рук большевиков. И вот на одном из заседаний, как хорошо помню, Усубеков, один из представителей Азербайджанского народа в Закавказском Правительстве, заявил, что если Закавказское Правительство не пошлет войск против Баку, то они, азербайджанцы, найдут „другие силы“, которые вырвут Баку из рук большевиков. Намек на турецкие части был достаточно ясен, и я отлично помню тягостное впечатление, которое произвело это заявление на представителей остальных национальностей Закавказской Республики. Несмотря на это, помощь в Баку все же не могла быть послана. Большевики же продолжали продвигаться к Тбилиси и против них по железной дороге на Баку удалось выдвинуть лишь всего 200-300 человек. Как я выше указал, наши вожди вели переговоры с германцами с целью избавить Грузию от турецкого нашествия. Турки между тем продолжали продвигаться.

Отряд ген. Макашвили, окруженный в Ахалцихе, был пропущен с оружием в руках, и мы уступили Ахалцихе туркам. Наши вожди подписали передачу Ахалцихе туркам. Среди подписавшихся были: Рамишвили, Гвазава, Рухиладзе и ген. Одишелидзе. Турки после признания грузинами Брест-Литовского договора, по которому они получили Карс, Ардаган и Батуми, теперь предъявили самостоятельной Грузии уступить им Ахалцихе и Ахалкалаки. Вот почему они требовали объявления независимости Грузии. Они заняли Ахалцихский уезд, а после взятия Александрополя продолжали продвигаться на север и были уже на Храме. При этом они в переговорах ссылались на то, что это продвигаются не их войска, а местные жители татары.

Представитель немцев граф Шуленбург сочувственно относился к нашим желаниям и, узнав от меня, что Вехиб-паша телеграммой категорически указывает, что продвигающиеся войска не суть турецкие войска, а местные жители, согласился оказать нам поддержку своими войсками для усмирения „населения“. Я лично показал графу Шуленбургу телеграмму Вехиб-паши на имя нашего Правительства, где указывалось, что севернее такой-то параллели нет турецких войск.

И вот я образовал отряд в составе одного армейского батальона, одного гвардейского с батареей Махарадзе и гвардейского конного дивизиона; в состав этого отряда вошли также один немецкий баварский егерский батальон и броневые поезда Гогуадзе. Общим начальником был полковник Степан Чхидзе. Наступление увенчалось успехом; турецкие части были отогнаны за Санаин, захвачен был даже их обоз, направлявшийся в сторону Казаха. Во время этого боя Храмский мост был взят и через него перебежали первыми наши молодые армейского батальона. Перед боем я сказал своим грузинам, что мы должны отличиться перед немцами и что Храмский мост они должны взять раньше германцев. Вот грузины бросились толпой через мост, защищаемый противником. Потом начальники немцев

говорили, что грузины храбрый народ, но не умеют воевать. Естественно, грузинские батальоны были составлены из молодых добровольцев, едва выучившихся владеть оружием. Затем при преследовании Гогуаше влетел на станцию Санаин и заставил целые сотни турок бросать оружие. Пленного турецкого офицера в военной форме доставили ко мне в вагон, и я его привез в Тбилиси, как вещественное доказательство присутствия на поле сражения частей турецких войск. Должен отметить, что во время этого боя у немцев было убито 7 человек, торжественно затем похороненных в Тбилиси.

Не могу не отметить одного обстоятельства. Во время боевых действий случились трения между командованием отряда и начальством гвардейского батальона и это в то время, когда между тем же командованием и немцами никакого недоразумения не происходило. Мне лично пришлось приехать, дабы уладить эти трения, ибо Гвардия, как и всегда впоследствии, подчинялась военному командованию постельку поскольку. Вместе с этим мной тогда же было указано начальнику отряда действовать самым решительным образом в отношении местного населения и отобрать у него оружие. Я требовал, в случае отказа выдать оружие, употребить артиллерийский огонь и заставить силой исполнить наше требование. Бывший там Валико Джугели воспротивился такому образу действий. Впоследствии в своем „Тяжелом кресте“ он, описывая эти события и говоря про меня, употребил следующее выражение: „Ген. Квинтадзе требует применения к местным жителям самых суровых мер, но мы умили его ‘пыл’ “. Никакого пыла не было; в своем воображении и, вероятно, для красного словца наш горе-писатель назвал „пылом“ то, что каждый начальник должен был сделать в отношении выступившего с оружием населения. Впоследствии его „Тяжелый крест“ был красочно осмеян в местной прессе. Вал. Джугели был карикатурно изображен с огромным крестом на спине и внизу надпись: „Куда несешь?“ и ответ — „В редакцию ‘Борьбы’ “. „Борьба“ — социал-демократическая газета.

Местные помещики Садахлинского района жаловались мне на грабежи, производимые гвардейским батальоном. Отмечаю: первое же выступление гвардейской организации совместно с армейскими частями вызвало трения между обеими этими организациями, совершенно различными по своему духу и по условиям своей жизни. Грабежи же есть естественное следствие отсутствия дисциплины. Этот факт мной, конечно, был освещен в Правительстве, но он прошел бесследно и не произвел никакого воздействия при решении вопроса какую организацию вооруженных сил принять, гвардейскую или армейскую.

Итак немцы помогли нам. Хочу указать еще один факт их сочувственного к нам отношения. Как известно, наши вожди вели перегово-

ры с немцами, заключили с ними договор и одновременно должны были в переговорах с турками согласиться на Брест-Литовский договор. По одному из пунктов договора с турками мы должны были пропускать их эшелоны по железной дороге по нашей территории. И вот сейчас же турки потребовали пропуска своих эшелонов на Баку. Совершенно не отвечало видам Правительства пропускать турецкие эшелоны по нашей территории; оно искало средства избежать этого. Между тем согласно переговорам с немцами было решено везде по железной дороге на конечных станциях, а также и в некоторых центральных местах поставить небольшие немецкие караулы из немецких военнопленных. Это было еще до прихода к нам баварской бригады. Когда турецкий эшелон подошел к Натанеби и потребовал пропуска, то перед нами встал вопрос, как быть. Я подал мысль попросить немцев помочь нам; затем обратился к их представителю, графу Шуленбургу, и предложил ему такой способ действий. В Натанеби грузинский местный военный начальник объявит начальнику турецкого эшелона, что со стороны грузинского Правительства к пропуску эшелона препятствий нет; после того к тому же начальнику подойдет начальник немецкого караула и объявит о невозможности эшелону двигаться дальше по мотивам, какие найдет лучшими само немецкое командование. Так и сделали, и турецкий эшелон принужден был вернуться в Батуми. Кажется, немцы объявили, что путь неисправен; не ручаюсь за достоверность. Это было тогда для меня не интересно, важно было, что турок не пропустили.

*
* *

Помощником Военного Министра я был в течение мая и июня 1918 года. За это время наряду с вопросами по внешней обороне страны приходилось заниматься делами по организации войск, по ликвидации Кавказского фронта и сохранению военного имущества, а также текущими вопросами. Текущие вопросы занимали почти все время. Для иллюстрации укажу следующее. Когда я вступил в свою должность, то в наследие получил три кипы неисполненных бумаг, каждая толщиной не менее четверти аршина. Все это ждало резолюций; одновременно набиралась ежедневная текущая переписка. Наряду с этим в приемной ожидали приема от 60 до 100 просителей со всякими просьбами и проектами. Тут были и просьбы о пособии, и квартирные вопросы, и ликвидирующиеся, и изобретатели, и самые разнообразные: и жалобы, и доносы, и просьбы о вылаче денег, и оружия, и снаряжения, и одежды для формирующихся частей, и т. д., и т. д. Приходили и военные, и штатские всех ведомств и всех национальностей, и мужчины, и дамы. Надо было экстренно решать вопросы. Тут по радио, там по авио, по военному суду, также по всем от-

неприемлемые для меня должности. Еще в январе того же 1918 года мой большой друг и приятель /из/ генерального штаба Драценко был назначен командиром Русского корпуса и очень настойчиво просил меня принять в Русском корпусе дивизию. Я не соглашусь. Карьера никогда меня не увлекала, и я поехал в Академию, в эту фабрику карьер, лишь на 14-ом году офицерской службы, испытав уже Русско-Японскую войну, и притом совершенно случайно.

Так или иначе командиром корпуса был назначен ген. Габашвили, в начальном штабе полк. Закартадзе, который в это время состоял секретарем военной секции Национального Совета. На его месте я бы отклонил это предложение. С таким многознанием, опытом, самостоятельности не было бы для занятия такой ответственной должности, да еще в такое время. Гораздо целесообразнее тогда было бы назначением на эту должность ген. А. Гелеванишвили, хотя офицер и не генерального штаба, но прошедшего Академию и обладающего большим служебным и боевым опытом.

ОБЫСК

Отмечу теперь очень характерный случай, происшедший со мной, как иллюстрацию тогдашних обычаев. 25-го января вечером я с женой был у своего приятеля, офицера генерального штаба полковника Якубашского. Вдруг хозяйка отзывает меня в сторону и объявляет, что у меня — парадный по телефону — на квартире производится обыск. И сейчас же поехал домой. Путь был долгий, надо было ехать с Чертезовской на Сапегиную улицу. Когда я приехал, то производивших обыск уже не оказалось. Обыск был произведен по приказанию Совета солдатских и рабочих депутатов, председателем которого был Н. Н. Жордания. Производителем некто Нижерадзе, так до сих пор я с ним и не знакомился. У меня были коллекция ружей; некоторые были мною выиграны на полях сражений в Японскую и последнюю войны. Был еще карабин — боевой подарок. Очень тщательно искали патроны. Их, конечно, у меня не было. Ружья лежали сложенные в открытом ящике в гостиной, под розетом, и на вопрос, обращенный к одной из моих сестер, где квартира полк. Квицинадзе и есть ли оружие, она прямо привела и показала. Она просила подождать до моего приезда. Конечно, было отказано. Вообще же, обыскивающий, главный, считал, по-видимому, необходимым быть возможно грубее. Сестра говорила, что трудно было с ним разговаривать. Тщательность же обыска доходила до того, что они искали патроны и детской среди игрушек и в урныликах. На эту грубость я ответил по-дочей и отставку. Я считал недопустимым обыск у офицера, занимающего пост помощника Генерал-квартирмейстера штаба фронта. Особенно обидно было, что обыск произвели у меня, грузина-офицера, грузины же. Разрешение было отпущено по команде, кажется,

Е. П. Гегечкори. Ответа, несмотря на повторения, нельзя было добиться. Должен отметить, что из всего состава штаба Главнокомандующего обыск был произведен только у меня.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ С ТУРЦИЯМИ

В это время власть на Кавказе принадлежала Закавказскому комиссариату, а на главе Кавказского фронта стоял ген. Лебединский, в штабе которого я продолжал служить. Турки шли церемониальным маршем, не встречая сопротивления, через Эрзиджан и Эрзерум, и вдоль Черноморского побережья. Генерал Лебединский отправился на фронт в Карс, куда турки уже подошли. Он выехал дальше и у Ново-Селима присутствовал на поле сражения. Его сопровождали генерал Корганов и я. Возвращаясь назад, я сказал Лебединскому, что армянские войска не только не выигрывают Ново-Селимского боя, но отдадут и Карс. Перед этим ген. Лебединский дважды ездил в Батуми, где комендантом был ген. Кутателадзе. После первого приезда по докладу ген. Лебединского в Батуми был командирован комендантом крепости ген. А. Гелеванишвили. Я поддерживал эту кандидатуру. Потом решили послать туда еще ген. Мдивани. Я очень протестовал перед ген. Лебединским о таком, каком-то странном создании двоевластия, но назначение состоялось. В Батуми по приказанию ген. Лебединского стали лихорадочно готовиться к осаде и сумели приготовить к действию до 70-ти крепостных орудий. Во второй раз ген. Лебединский поехал туда совместно с Е. П. Гегечкори, тогдашним военным комиссаром. Мы объезжали форты. Гора Эрц была уже в руках турок. Ее отдал без боя, кажется, 4-й полк. Были на форте Апарии. Комендант этого форта, штабс-капитан Шавгулидзе, украиенский георгиевским крестом, указывал на отсутствие дисциплины, вследствие чего он не рассчитывал на удержании этого укрепления. Укрепления же были очень хорошие, каждый стрелок был со всех сторон прикрыт бетоном и стрелял через бойницу; были также искусственные препятствия, холмы сообщения, пулеметные бетонированные гнезда.

Е. П. Гегечкори, уходя с форта, сказал этому храброму георгиевскому кавалеру: „Этот форт вы можете отдать лишь с вашей смертью“. „Слушаюсь“, — скромно ответил этот герой. И он это исполнил. Он сумел во время боя удержать человек около 50-ти около себя и вместе с ними погиб. Мне до боли жаль этого офицера, так бесцельно погибшего. Он был добросовестен и предан родине и полку, и пал смертью героя.

Отъезжая с форта, Е. П. Гегечкори спросил меня, неужели такие укрепления отдадут. „Дисциплины нет, отдадут“, — уверенно ответил я. На всех фортах жаловались на отсутствие дисциплины, но уверяли, что дисциплина есть, но невозможно держать солдат в дисциплине. Я впадаю в причины, полагая, что это явилось следствием того, что которые развалили сначала русскую армию, а потом и нашу.

неприемлемые для меня должности. Еще в январе того же 1918 года мой большой друг и приятель /из/ генерального штаба Драценко был назначен командиром Русского корпуса и очень настойчиво просил меня принять в Русском корпусе дивизию. Я не соглашусь. Карьера никогда меня не увлекала, и я поехал в Академию, в эту фабрику карьер, лишь на 14-ом году офицерской службы, неспытав уже Русско-Японскую войну, и притом совершенно случайно.

Так или иначе командиром корпуса был назначен ген. Габашвили, а начальником штаба полк. Закариадзе, который в это время состоял секретарем военной секции Национального Совета. На его месте я бы отклонил это предложение. Слишком много знания, опыта, самостоятельности не-благими были для занятия такой ответственной должности, да еще в такое время. Гораздо целесообразнее тогда было бы назначение на эту должность ген. А. Гелеванишвили, хотя офицера не генерального штаба, но прошедшего Академию и обладающего большим служебным и боевым опытом.

ОБЫСК

Отмечу теперь очень характерный случай, происшедший со мной, как иллюстрацию тогдашних обычаев. 25-го января вечером я с женой был у своего приятеля, офицера генерального штаба полковника Якубовского. Вдруг хозяйка отзывает меня в сторону и объявляет, что у меня - парадки по телефону - на квартире производится обыск. Я сейчас же поехал домой. Путь был долгий, надо было ехать с Черкеваской на Сапегиную улицу. Когда я приехал, то производивших обыск уже не оказалось. Обыск был произведен по приказанию Совета солдатских и рабочих депутатов, председателем которого был Н. Н. Жордания. Производителем некто Нижерадзе, так до сих пор я с ним и не познакомился. У меня были коллекция ружей; некоторые были мною выиграны на полях сражений в Японскую и последнюю войны. Был один карабин - боевой подарок. Очень тщательно искали патроны. Их, конечно, у меня не было. Ружья лежали сложенные в открытом ящике в гостиной, под розетом, и на вопрос, обращенный к одной из моих сестер, где квартира полк. Квинтадзе и есть ли оружие, она прямо привела и показала. Она просила подождать до моего приезда. Конечно, было отказано. Вообще же, обыскивающий, главный, считал, по-видимому, необходимым быть возможно грубее. Сестра говорила, что трудно было с ним разговаривать. Тщательность же обыска доходила до того, что они искали патроны и детской среди игрушек и в урнышниках. На эту грубость я ответил по-дачей и отставку. Я считал недопустимым обыск у офицера, занимающего пост помощника Генерал-квартирмейстера штаба фронта. Особенно обидно было, что обыск произвели у меня, грузина-офицера, грузины же. Репорт был отправлен по команде, кажется,

Е. П. Гегечкори. Ответа, несмотря на повторения, нельзя было добиться. Должен отметить, что из всего состава штаба Главнокомандующего обыск был произведен только у меня.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ

В это время власть на Кавказе принадлежала Закавказскому комиссариату, а во главе Кавказского фронта стоял ген. Лебединский, в штабе которого я продолжал служить. Турки шли церемониальным маршем, не встречая сопротивления, через Эрзинджан и Эрзерум, и вдоль Черноморского побережья. Генерал Лебединский отправился на фронт в Карс, куда турки уже подошли. Он выехал дальше и у Ново-Сенима присутствовал на поле сражения. Его сопровождали генерал Корганов и я. Возвращаясь назад, я сказал Лебединскому, что армянские войска не только не выиграют Ново-Селимского боя, но отдадут и Карс. Перед этим ген. Лебединский дважды ездил в Батуми, где комендантом был ген. Кутателадзе. После первого приезда по докладу ген. Лебединского в Батуми был командирован комендантом крепости ген. А. Гелеванишвили. Я поддерживал эту кандидатуру. Потом решили послать туда еще ген. Мдивани. Я очень протестовал перед ген. Лебединским о таком, каком-то странном создании двоевластия, но назначение состоялось. В Батуми по приказанию ген. Лебединского стали лихорадочно готовиться к осаде и сумели приготовить к действию до 70-ти крепостных орудий. Во второй раз ген. Лебединский поехал туда совместно с Е. П. Гегечкори, тогдашним военным комиссаром. Мы объезжали форты. Гора Эрдо была уже в руках турок. Ее отдал без боя, кажется, 4-й полк. Близи на форте Анарии. Комендант этого форта, штабс-капитан Шавагулидзе, украиенский георгиевским крестом, указывал на отсутствие дисциплины, вследствие чего он не рассчитывал на удержание этого укрепления. Укрепления же были очень хорошие, каждый стрелок был со всех сторон прикрыт бетоном и стрелял через бойницу; были также искусственные препятствия, холмы сооблачения, пулеметные бетонированные гнезда.

Е. П. Гегечкори, уходя с форта, сказал этому храброму георгиевскому кавалеру: „Этот форт вы можете отдать лишь с вашей смертью“. „Слушаюсь“, - скромно ответил этот герой. И он это исполнил. Он сумел во время боя удержать человек около 50-ти около себя и вместе с ними погиб. Мне до боли жаль этого офицера, так бесцельно погибшего. Он был добросовестен и предан родине и долгу, и пал смертью героя.

Отъезжая с форта, Е. П. Гегечкори спросил меня, неужели такие укрепления отдадут. „Дисциплины нет, отдадут“, - уверенно ответил я. На всех фортах жаловались на отсутствие дисциплины, на дерзирство, на невозможность держать солдат в повиновении. Я не вдаюсь в причины, повлекшие это явление. Причины были те же, которые развалили сначала русскую армию, а затем армянских солдат.

где произошла революция. Исследование этих причин не имеет отношения к тому, что я описываю.

Затем приехали к тому полку, который бросил гору Эрде. Здесь Е. П. Гегечкори обратился к ним со смелыми упреками и укорил в неверности своему долгу, своему отечеству. Я даже беспокоился за возможность какого-либо дикого инцидента. Выступил один из толпы и сказал в длинной речи, что у них на Эрде не было патронов, телефонов, пулеметов, даже офицеров, и, фарисейски ударяя рукой в грудь, закончил, что они принуждены были отдать врагу „стену Батуми“. Ясно, что солдат, простой рядовой, сознавал важность значения отлаженной без боя позиции.

БАТУМИ

Батуми в 1918 году пал, если не ошибаюсь, 1-го апреля. Он был сначала окружен с юга и с востока. С севера и частью с северо-востока сообщение с крепостью было свободно, а также и морем. Местное начальство настаивало на увеличении гарнизона, число которого уже достигло 12.000 штыков. Согласно положению о крепости, это количество было чрезмерно для этой крепости. Встал вопрос о выручке кр. Батуми. Местное начальство продолжало настойчиво просить увеличения гарнизона. Главнокомандующий ген. Лебединский и военный комиссар Е. П. Гегечкори в это время находились в Самтреди. Я протестовал перед ген. Лебединским о дальнейшем увеличении гарнизона и предложил Главнокомандующему, что крепость надо спасать не изнутри, увеличением и без того громадного гарнизона, а снаружи путем сосредоточения резерва в районе Чаквы и оттуда атакой во фланг туркам с севера. Ген. Лебединский согласился со мной, доложил Е. П. Гегечкори и тот с ним согласился. Решили из подходящих подразделений (это все были добровольческие отряды) образовать группу, высадить ее у Чаквы и оттуда ударить во фланг туркам; всего рассчитывали набрать до 3000 человек. С тем и приступили к деятельнейшему действию. Вдруг узнают, что около 600 человек добровольцев, старых солдат, собравшихся в Самтреди и которые по моим расчетам должны были образовать ядро нашего будущего Чаквинского отряда, двинуты в Батуми по требованию крепостного начальства. Я бросился к Лебединскому, он сказал, что это сделано по приказанию Е. П. Гегечкори и по настойчивому требованию Батумского начальства. Эшелон уже ушел, и мой голос оказался гласом вопиющего в пустыне. Через некоторое время, проходя по шатформе, увидел, как один эшелон с горной батареей готовится к отправлению в Батуми. Я опять бросился к Лебединскому, он мой товарищ по кадетскому корпусу, который вновь встретился на Гегечкори, бывшего тут же в вагоне. Я стал горячо протестовать, указывая, что в крепости совершенно не нужна эта артил-

лерия, так как она есть принадлежность армии для полевых действий, а не для действий в крепости, что гарнизон должен обслуживаться крепостной артиллерией, что, кроме того, в крепости уже есть одна горная батарея капитана Чагурия, и что наша Чаквинская группа, решающая дело обороны крепости, останется как раз без горной батареи, столь необходимой в этой местности; что он, ген. Лебединский, есть Главнокомандующий и ответствен за общее руководство, и должен взять на себя ответственность исправлять ошибки подчиненных и, как результат всего, не давать горной батарее в Батуми. Гегечкори присутствовал при этом моем докладе. Результат моего горячего доклада оказался благоприятным, и батарея осталась в Самтреди, благодаря чему мы спасли личный ее состав от плена и пушки не попали в руки противника.

Я все время указывал, что крепость должна быть спасена действиями снаружи, что нельзя позволить туркам окружить Батуми полностью, и что в последнем случае, ввиду отсутствия в войсках дисциплины, а следовательно и боеспособности, гарнизон обречен на сдачу, ибо не окажет сопротивления. Пользуясь этим случаем, я сказал Е. П. Гегечкори, что он Военный Министр и должен прежде всего интересоваться общего характера и не поддаваться требованиям того или другого частного начальника, и что он в данном случае из Военного Министра превратился в батумского коменданта.

Чаквинскую группу не удалось собрать. Обещанные люди из Чкатури, Тквибули так и не пришли или же пришли в незначительном количестве; наши вожди все время обещали, что вот-вот сегодня или завтра подойдут сотни и тысячи.

В Батуми тотчас же передвинули, что здесь в Самтреди, в штабе, выработали план выручки Батуми. Оттуда ответили, что у них также выработали план выручки и что просят съехаться в Натанеби для общего обсуждения. Съехались. Из Батуми приехали ген. Мдивани и Раминшвили. Они представили план, сущность которого сводилась к образованию группы войск и сосредоточению ее у Борлихана, откуда эта группа должна была атаковать турок. Атака выходила фронтальная. Я доложил план штаба Главнокомандующего, утвержденный последним. Батумцы быстро согласились на этот план и решили приступить к его исполнению. Исполнить не удалось, ибо не удалось к сроку собрать войска (добровольцев), и Батуми пал при первой же атаке турок. У турок действовало 6 горных пушек против наших 70 крепостных, а количество войск их было значительно меньше нашего гарнизона, всего около 3000 штыков.

Вспоминается один инцидент из Батумской эпопеи, характерный по своим чертам. Еще до подхода турок, при объезде фортов, мы проехали на юг от Чороха по дороге на Трапезуц. Здесь, за линейной фортов, на одной из возвышенностей левого берега Чороха остановились для осмотра местности. Раминшвили высказал Лебединскому (без меня) взгляд о необходимости поставить здесь артиллерию для

злость, я должен был быть приглашен, как помощник В. Министра Правительства Закавказской Республики; чем руководствовался Главнокомандующий, не делая этого, не знаю. Вообще же я поддерживал связь со Штабом, во-первых, как с высшим управлением войск, а во-вторых, в силу того, что высшие чины штаба были мои одноклассники и товарищи по службе. На другой день после своего назначения я зашел в штаб, дабы переговорить, как произвести всю передачу, вызываемую моим назначением. Там я встретил только полк Шатилова, был уже 4-й час дня и все со службы разошлось. Он мне сказал, что Главнокомандующий издает приказ о ликвидации Кавказского фронта; я спросил его дать прочитать. Едва пробежав, я усмотрел много пунктов, которые по моему мнению могли быть изданы лишь по одобрении Правительства. Я сказал Шатилову об этом и просил его не торопиться с изданием этого приказа. На другой день этот приказ появился в газетах, а вечером на заседании Правительства некоторыми членами Правительства были сделаны запросы; известно ли было В. Министру об издании такого приказа и если было известно, какие меры были приняты для его приостановки. В. Министр должен был сказать, что ему ничего не было известно. Тут же на заседании Правительства несколькими членами было предложено немедленно отменить этот приказ, а Главнокомандующего и его начальника штаба немедленно арестовать. Я предложил не прибегать к такой мере, а сначала переговорить с Главнокомандующим. Военный Министр Гр. Георгадзе написал по этому поводу письмо ген. Лебединскому, прося его приехать на заседание Правительства. На заседание прибыл полк Шатилов по полномочию Главнокомандующего, сказавшегося больным. Сказавшегося, ибо на другой день я его видел вполне здоровым. Полковник Шатилов на заданный вопрос ответил, что Главнокомандующий должен был отдать такой приказ, что это было его право и что отменить или изменить этот приказ не считается им возможным. Это еще более подлило масла в огонь, и после ухода Шатилова было предложено всех их немедленно арестовать, как не признающих власти Закавказского Правительства. Я едва успел договорить поручить все это дело В. Министру. На другой день В. Министр целый день пытался войти в связь с ген. Лебединским для личных переговоров, но его оказывалось дома. Послано было ему письмо В. Министром, в котором он приглашался для личных переговоров. Вместо этого прибыло от него письменное объяснение, почти дословное, сказанное накануне полк. Шатиловым на заседании Правительства. Ввиду такого положения, занятого Главнокомандующим; Правительство приказало аннулировать приказ ген. Лебединского. Его не арестовали опять по моему настоянию. Я вернулся в командование войсками.

Общая обстановка была такова: армянские войска, отступая, занимали Александрополь, против них стояли турецкие войска. Стороны были в состоянии перемирия благодаря мирным переговорам делегатов Закавказского Правительства с турками. Грузинские войска занимали на Батумском направлении Натанеби, против них были турки и здесь также были взаимно вывешены белые флаги. В Боржоме был также фронт. В Ахалцихском районе турки сформировали дивизию из местных мусульман и в состав ее вошли части, формируемые азербайджанцами для Мусульманского корпуса. Эти части окружили Ахалцихе, где был грузинский гарнизон под начальством ген. Макашвили; из Боржоми наши части не могли прийти на помощь, так как организовавшиеся местные мусульмане заняли позиции к северу от Ацкури и наши войска, за недостаточностью, не в силах были сломить их сопротивление, здесь командовал ген. Арджеванидзе. Одновременно шли переговоры с турками, и эти переговоры, когда мы собрались с силами, не позволили развязать руки военному командованию для атаки мусульман на Ахалцихском фронте. Мы были в перемирии с турками, но не знали, воюем мы с Ахалцихскими мусульманами, как с частью Турции, или же они самостоятельная единица.

Турки вдруг нарушили перемирие и атаковали Александрополь. Меня местный начальник вызвал к прямому проводу и спросил принимать бой или отходить без боя, ввиду того, что перемирие нарушено без предупреждения. Я приказал принять бой. Результат был неблагоприятный для армянских войск, они были принуждены отступить сначала на Чарджуйские высоты, а затем и далее на север. Отступление совершенно расстроило армянские войска. Командир Армянского корпуса ген. Назарбегов телеграфировал и просил немедленно заключить мир. Ввиду обстановку, он указал, что войск уже нет, что между штабом корпуса и турками находится только штаб дивизии.

Вскоре после этих событий, а именно через несколько дней Закавказская Республика распалась на три самостоятельные республики: Грузия, Армения и Азербайджан. Между тем в Правительстве решено было атаковать на Ахалцихском фронте; мне развязали руки. Я выехал в Боржом. Пробыл я там всего сутки, осмотрел часть позиций, но ночью получил телеграмму из Тбилиси, приглашающую немедленно вернуться. Я вернулся. Оказалось, что атаку отменили.